

Власть и голод в Казахстане глазами германского историка Роберта Киндлера

Рецензия на монографию Роберта Киндлера «Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане» [пер. с нем. Л. Ю. Пантиной]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 382 с.

В условиях, когда исследование проблемы голода в Казахстане отечественными историками зачастую используется в политических целях¹, важно обратить внимание на подходы к данной теме германского историка Роберта Киндлера, работа которого являет собой ключевой элемент конструкции, созданной ранее в исследованиях Изабель Огайон, Николло Пьянчолы, Мэттью Пейна и Сары Кэмерон.²

С самого начала принципиально важно отметить следующее. Автор книги не разделяет бытующего в американской, западногерманской и украинской исторической литературе мнения о том, что голод в Казахстане являлся преднамеренным геноцидом, критически относится к подобной трактовке и всецело солидарен с позицией, озвучиваемой в российской историографии.³ В обоснование своих взглядов он приводит ряд аргументов, совпадающих с аргументами российского исследователя В. Кондрашина, и вдобавок вполне резонно полагает, что *«обвинение в геноцидальном умысле освобождает от необходимости исследовать причастность самих пострадавших народов к катастрофе»*. Развивая свою мысль, Киндлер далее пишет: *«Судьбу людей ведь решали не абстрактные «коммунисты»: достаточно часто за жизнь и смерть голодающих несли ответственность местные партийцы, крестьяне, рабочие. Однако о виновниках из низшего и среднего административного звена и их мотивах не пишут ни украинские историки, ни их казахские коллеги»* (с.25).

Продолжая, углубляя и развивая исследовательские наработки своих европейских и американских коллег, продуктивно используя казахстанскую, российскую и особенно западноевропейскую историографию, вводя в научный оборот значительный пласт малоизвестных источников, автор создал труд, который в полной мере можно оценить, как этапный в плане осмысления зарубежными исследователями сути такой дихотомии как власть и голод на примере Казахстана.

В работе нет привычного для российских и казахстанских читателей наличия в водной части таких элементов как: историография проблемы, характеристика источниковой базы, методологические принципы исследования, цели и задачи. Осуществив во Введении экскурс в имевшие место исследования и дискуссии по таким аспектам как «Перевод на оседлость и реализация власти» и «Голод» (с.9-19), автор в разделе «Дебаты» дал обзор имеющейся литературы. Здесь он представлен в контексте развернувшихся в последние четверть века дискуссий о сущности и

характере имевших место событий в казахской степи, где четко проведена грань между исследованиями советского периода, тенденциозно восхвалявшими коллективизацию и оседание по-казахстански и появившимся после 1991 года не менее тенденциозным нарративом, который автор не без основания характеризует как *«радикально-националистический»*. Здесь же критически рассмотрен широкий «ассортимент» интерпретаций проблемы взаимоотношений кочевников и государственности в трудах зарубежных и отечественных этнологов и историков (С.20).

Только по мере знакомства с монографией видно сколь основательна ее историографическая база, включая научные исследования и публикации на немецком, английском, итальянском, французском и русском языках, сколь богат использованный в ней круг документальных источников – в том числе материалы из фондов ГАРФ, РГВА, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЭ, ЦГА РК и АП РК, а также материалы из таких документальных сборников как «Трагедия советской деревни», «Голод в СССР» и др., сколь обширна привлекаемая автором дискуссионная проблематика, содержащаяся в западноевропейской и американской литературе.

Поскольку книга написана, прежде всего, для западноевропейского (германского) читателя, в ней в водной части в качестве прелюдии дается описание фрагмента мрачной картины (тела погибших от голода людей под снегом), имевшей место в процессе коллективизации в одном из районов (Уш-тобе) Казахстана и отражающего ужасающие последствия голода, охватившего всю республику.⁴ Да и название книги «Сталинские кочевники...» творчески, применительно к кочевому Казахстану, заимствовано у Шейлы Фицпатрик⁵ и свидетельствует о том, что западноевропейские историки по-прежнему используют броские формулировки, в которых обязательно фигурирует имя Сталина или производные от его имени прилагательные.⁶ Думается, что традиция давать подобные названия, прежде всего, обуславливается рекламными интересами,⁷ а затем уже интересами науки, поскольку привлечь внимание западноевропейского читателя намного легче используя жупел имени Сталина, действующего практически безотказно на **тамошних** потребителей исторической информации об «ужасах сталинского тоталитаризма» в условиях «демократической» Западной Европы.

Отличительной особенностью рецензируемой монографии является ее масштабность, которая проявляется как в постановке проблемы, так и в раскрытии многообразия связанных с ней тем: цели и задачи советской «модернизации» казахского кочевоего общества, способы и методы разрушения традиционного общества, седентаризация, деятельность центральных и местных партийных и советских структур в центре и на местах, процесс реализации установок Центра, практика и содержание их осуществления на местах, последствия насильственного слома

экономических и социальных структур казахского общества, характер и масштабы голода, а также его результаты, как в непосредственной близости, так и в перспективе.

Автор предпринял успешную на наш взгляд попытку представить сложную и многофакторную картину, резко контрастирующей с привычной черно-белой трактовкой истории насильственной коллективизации, оседания и смертного, для значительной части кочевого населения, голода. В этом, на наш взгляд, состоит принципиальное отличие рассматриваемой книги Киндлера от многих работ отечественных историков, в которых наблюдалось стремление унифицировать исторический процесс, представить его как сплошную арену классово-борьбы за «светлое будущее».

Структура монографии и способ подачи материала заслуживают положительной оценки. С самого начала автор формулирует исследовательскую гипотезу следующим образом: *«Перевод казахо-кочевников на оседлое положение не являлся программой эмансипации «угнетенного» народа и не имел целью создание «нового человека»; в конечном счете он служил главным образом для утверждения власти большевиков и якобы более эффективной эксплуатации экономических ресурсов степи»* (с.14). Поставив себе исследовательскую проблему, автор затем шаг за шагом сверяет с ней факты, документальные свидетельства и достаточно аргументировано подтверждает ее.

Главы или разделы книги⁸ названы следующим образом: «Контексты – кочевники и российская колониальная держава», «Условия – советская власть в степи», «Атаки – коллективизация и перевод на оседлость», «Бунт – гражданская война и массовый исход», «Голод – катастрофа и новый порядок», «Варианты – кочевой образ жизни по-советски». Не менее образны и названия составляющих элементов, названных выше «тем». Так, например, ключевые элементы предпоследней «темы» выглядят следующим образом: «Размеры катастрофы», ««Живые скелеты» – голод и социальная интеграция», ««Нужно пользоваться моментом» - кадры и кризис», «Пути выхода и новые формы зависимости».

Обозначив общие хронологические и тематические границы исследования, сформулировав контексты и условия исторической драмы переросшей в ходе атак на кочевое общество и постигший его голод в трагедию, определив основные сюжетные линии и ключевые акты развития исторического процесса, а также указав на его главных героев, автор с самого начала расставил акценты своего исследования, стремясь, тем самым, по всей вероятности, сделать читателя заложником своего - «театрального» - видения одной из самых трагических страниц истории кочевников-казахов.

Опираясь на исследования предшественников, основываясь на систематизации известных специалистам историкам фактов, привлекая в значительном объеме документальный материал, автор местами пунктирно либо схематично (например, там, где речь идет об условиях жизни

кочевников в Российской империи), временами более подробно и основательно (взаимоотношения кочевников и крестьян-переселенцев), раскрывает перед читателем различные аспекты противоречивой политики государства в отношении кочевников и крестьян-переселенцев и, прежде всего, социально-экономические акции (политика «Малого Октября», раскулачивание, хлебо- и мясозаготовки, коллективизация, репрессии, перевод на оседлость), военно-политические действия (повстанческие движения доведенных до отчаяния кочевников и их силовое подавление) и социально-демографические (массовая миграция за пределы проживания, тотальный голод, сокращение численности населения, ликвидация традиционных социальных структур). Вся государственная политика, проводимая в отношении кочевого населения, рассмотрена под углом зрения формирования механизма социально-экономической катастрофы, ее масштабов и последствий как текущего, так и долгосрочного плана, а также определения ее (катастрофы) как совокупности условий и факторов для становления принципиально нового общества – полностью зависимого и подчиненного произволу государственной власти, ее целям и задачам как тактического (частного) так и стратегического (общего) характера.

Важную роль в книге автор отводит вопросу функционирования так называемых сетей: социальных – в виде устойчивых ко всякого рода деформациям клановых и родовых связей и официальных – советские и партийные организации, а также различным примерам их сращивания, взаимопроникновения и использования в целях захвата рычагов власти, ее укрепления и в конечном итоге использования в качестве инструмента выживания (особенно физического) в условиях как надвигающейся катастрофы, так и в ходе нее и после нее. Здесь с различной степенью полноты и детализации показаны какие институциональные структуры осуществляли свои властные функции в степи, кем они были персонифицированы, какие между ними возникали коллизии и чем все это завершалось.

Рассмотрим более подробно какими способами и приемами пользуется автор, для того, чтобы выпукло раскрыть структурные составляющие своей книги; какие в каждом конкретном случае формулируются вопросы и какова их последовательность; в какой мере используется образность в названиях тех или иных разделов и подразделов.

Так, в первой главе хорошо показаны условия, в которых функционировала советская власть в степи, первостепенной задачей которой являлось *«победить влияние традиционных казахских элит»* и в конечном итоге *«сломать социальные порядки»*. Поставив в начале главы вопросы: *«Как советское государство пыталось обеспечить себе приверженность и лояльность на местах? Кто присоединялся к проекту большевиков, и какие интересы преследовали эти люди? Какую роль играли кланы?»*, автор в разделе *«Советская по форме, традиционная по содержанию»* раскрывает

механизм функционирования управленческих и партийных структур. При этом он показывает деятельность большевиков как *«представителей чужой нации»*, рассматривает как осуществлялась политика *«Лицом к аулу»* и что увидели большевики в ауле, раскрывает характер и содержание процесса осуществления *«советских выборов в степи»*.

Логическим продолжением этого был раздел, который автор формулирует следующим образом: *««Путь к социализму» - будущее казахских кочевников»*. Здесь в подразделах *««Отсталость» и новая культура»*, *«Дебаты об оседлости»* предпринята успешная попытка ответить на такие вопросы, как: *«Правильный ли путь представляла собой привязка «отсталых» кочевников к земле, или казахам лучше было остаться кочевниками? Могло ли государство, претендовавшее на контроль над своим населением, мириться с тем, что жители целых регионов ускользают у него из рук? Что было нужно, чтобы повысить культурный уровень казахов? И наконец: идеологический или экономический вопрос решался посредством перевода на оседлость?»*. Отвечая на один из них, автор утверждает, что *«суть «перевода на оседлость» вначале состояла в локализации казахов»* и *«если коммунисты хотели реализовать свои властные притязания, им следовало иметь возможность находить кочевников»* (с.72).

Точно также автор решает вопрос при освещении ситуации, в которой оказались *«европейские крестьяне-переселенцы в Казахстане»* - вчерашние *«колонизаторы»* и сегодняшние *«парии»*. *«Большевикам, - отмечает автор, - не удавалось сглаживать многообразные конфликты между двумя группами [переселенцев и автохтонных жителей, «старожилы» в трактовке автора], к тому же вначале у них отсутствовала четкая стратегия относительно будущего степи»*. В связи с этим они, как полагает автор, и задались вопросами: *«Следует ли отдавать казахам как «бывшей угнетенной нации» всегда и всюду предпочтение перед «бывшими колонизаторами»? Или экономическими интересами нельзя жертвовать в угоду постулатов национальной политики?»*. Ответы на эти вопросы автор в панорамной форме разворачивает в процессе освещения подразделов обозначенных как: *«Реформы, голод и новая экономическая политика»*, *«Конфликты и комиссии»*. Резюмируя собственное видение содержания указанных вопросов, автор не без основания отмечает, что *«среди многих большевистских руководителей к концу десятилетия возобладало мнение, что национальная политика не должна быть самоцелью. Даже самым ее ярым приверженцам приходилось учитывать, что Советский союз является «социалистическим по содержанию», а потому внимание к национальным «формам» и настроениям имеет свои границы. В итоге открытие Казахстана для новой «колонизации» представляло собой столь же логичный шаг, как и маргинализация «казахофильских» позиций»* (с.91).

Обозначив последний раздел первой главы *«Клановая логика – сети в партийном руководстве»*, автор подробно раскрывает причины

вмешательства Москвы в казахстанские дела – конфликты и раскол среди казахстанских большевиков, *«непонимание и недоверие между «бывшими колонизаторами» и представителями «отсталых наций» с одной стороны. А с другой – «среди местных партийцев боролись за власть и влияние конкурирующие сети», представители и предводители которых «принадлежали к различным казахским кланам».* Именно *«поэтому в своей политике в Средней Азии большевики старательно балансировали между потворством региональным интересам и их ограничением»* (с.92,93). В подразделах «Язык масс», «Казахские кланы», «Своей политической линии у нас нет» нашли отражение вопросы коренизации и ее понимание «русскими» и «казахскими» коммунистами, склоки и групповая борьба на районном и краевом уровне (в частности на примере взаимоотношений между Ходжановым и Садвокасовым), деятельность Голощекина и его окружения против руководителей клановых сетей.

Коллективизацию и перевод на оседлость автор характеризует как «Атаки». Именно так и названа третья – центральная – глава его книги. Тщательно, с привлечением новых данных прослежены узловые моменты коллективизации и седентаризации. Отталкиваясь от репрессивного характера проводимых акций, автор на примере алгоритма так называемой «Семипалатинской авантюры» показал, *«что в Семипалатинской губернии были испытаны методы, которые вскоре в обязательном порядке стали применяться везде, где требовалось заготавливать хлеб и репрессировать кулаков, - то есть по всему Советскому Союзу»* (с.121.). Подраздел «Малый Октябрь» разительно отличается от штампованных в постсоветской историографии клише, в которых эта политика была представлена преимущественно как репрессии против баев, с набором их средств и методов, количества репрессированных и т.п. Пунктирно обозначив канву событий, автор сосредотачивает свое внимание на то, как под прикрытием дебаизации⁹ сводились старые счеты – *«большевики расправлялись с политическими противниками и «врагами советской власти», представители различных кланов и сетей – с нежелательными конкурентами».* На значительном архивном материале иллюстрируются две стороны одной медали – солидарность кочевого общества перед лицом смертельной угрозы и ее оборотной стороны, коими являлись конфликты между конкурирующими кланами. Именно здесь наиболее четко высвечивается подкрепленная документально мысль автора об ответственности местных кадров и активистов в «выявлении и преследовании «богачей-баев»: *«Региональные партийные комитеты посылали в степь на проведение кампании почти исключительно казахов. Их действиями зачастую руководили не высшие идейные соображения, а сугубо личные интересы»* (с.131-132). Со временем эта мысль станет своего рода рефреном, распространившись в той или иной мере по ключевым разделам книги, что впоследствии дало автору основание сформулировать суждение о

коллективной, как «европейцев», так и «националов», ответственности за злодеяния советской партийно-государственной верхушки в казахской степи.

Впечатляюще представлена фактическая канва кампаний по коллективизации и раскулачиванию, характеризуемых автором как «Методы принуждения». Это подтверждают как яркая образность в названиях подразделов: «Раскулачивание и разбой», «Большевистские темпы», «Беспомощные в степи», «Дорога к экономической катастрофе», так и приводимые им многочисленные свидетельства, реконструирующие события и процессы в виде гигантского и смертельного водоворота, в который втягивались все без исключения слои казахского кочевого социума и обрекавшего на гибель в результате массовой убыли скота, не только имущих в прошлом «баев и феодалов», но и «средняков» и «бедняков».

Рассмотрев «коллективизацию аула, которая стала для кочевников драмой», автор в следующем разделе ««Реалистичный план» - кампания перевода на оседлость» не менее выпукло и ярко показал, как перевод на оседлость, проходивший параллельно, превратил драму в трагедию. Этот процесс превращения показан автором в своеобразной динамике, в тесном переплетении хронологии описываемых событий, с помощью которой он стремится распутать создавшийся клубок противоречивых и взаимоисключающих проблем.

Расчеты планов по оседанию, как показано в главе, подтвердили абсолютную неготовность государственных органов и функционеров к проведению оседания. На практике это закономерно привело к административно-управленческому хаосу и обусловило широкую волну конфликтов как межведомственного характера, так и между «оседающим» населением и органами власти. Все это выливалось в провалы в «домостроительной» практике, ведшей к строительству «землянушек, а не дворцов» и заканчивалось сомнительными расчетами количества казахских хозяйств при попытках властей взглянуть сверху на проблему оседания.

Подводя итоги раздела, автор отмечает: *«Перевод казахских кочевников на оседлость потерпел сокрушительный провал. Ни одна из амбициозных целей достигнута не была, никакие бухгалтерские уловки не помогли показать выполнение планов больше чем наполовину, вместо ожидаемого повышения урожайности во всех районах отмечалось ее катастрофическое снижение. Кампания, казавшаяся на текущий момент вполне многообещающей, в дальнейшем сыграла свою роковую роль. Оседание проводилось в основном на бумаге либо ограничивалось запихиванием людей в обветшалые развалины в негостеприимных местах. Но изгой не давали о себе забыть, рано или поздно возвращаясь в поле зрения в виде нищих, беженцев или воинов»* (с.174).

Квинтэссенцией всего содержания главы, посвященной коллективизации и переводу на оседлость, явились следующие суждения автора: *««Оседание» зачастую служило прикрытием интересов, не имевших никакого отношения*

к условиям жизни кочевников. Ссылаясь на эту кампанию, добивались смягчения планов заготовок или оправдывали их невыполнение; распределение дефицитных стройматериалов и денег открывало возможности для коррупции и кумовства; размещение в «точках оседания» давало удобные шансы конкурирующим группировкам. А при переселении целых сообществ главной задачей являлось освобождение территорий. Во всех этих случаях люди, ставшие объектом кампании, имели значение лишь как проблема, требующая устранения, или средство для решения других вопросов» (с.174).

Четвертая глава книги под названием «Бунт – гражданская война и массовый исход» построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из следующих разделов: «Если раньше мы вынуждены были искать бандитов, то сейчас ищут они нас» - фрагментированная гражданская война», «Расширение зоны боевых действий – война на советско-китайской границе», «В бегах».

В рамках первого раздела Киндлер последовательно рисует широкую картину военных действий развернувшейся в Казахстане от Алтая до Каспия, ее восприятие в Центре и на местах, характер и результаты вооруженного противостояния.

Содержание, характер, специфические особенности и масштабы войны на советско-китайской границе рассматриваются автором в подразделах «Демаркационные линии», «Нарушители», «По обе стороны границ».

Предельно сжато, но вместе с тем емко представлена картина вынужденной масштабной миграции кочевого населения принявшей формы бегства как в пределах Казахстана, так и в Туркмению, Узбекистан, Киргизию, Западно-Сибирский и Средне-Волжский края. На конкретных примерах было показано предельно критическое положение «откочевников», их сложные взаимоотношения с местным населением и властными структурами республик и краев, межнациональная напряженность, а также конфликты, которые возникали между партийным руководством Казахстана и сопредельных регионов в ходе попыток решить проблемы беженцев.

Но, пожалуй, главное место в книге занимает глава, название которой и несет в себе основной авторский замысел – «Голод в Казахстане – катастрофа и новый порядок». В подтверждение своего постулата, сформулированного в виде суждения: *«голод советизировал казахское общество»* и являлся *«условием и инструментом реализации большевистской власти в степи»*, автор общими мазками дает размеры катастрофы. Затем посредством определения симптомов распада, описания лиц голода и изображения попыток властных структур изгнать за пределы города или села, либо изолировать голодающих беженцев в *«питательных пунктах и приемных лагерях»* живописует апокалипсическую картину обусловленной голодом социальной дезинтеграции.

Картину развернувшегося по всей республике голода автор дополняет рассказом, характеризующим деятельность работников нижнего и среднего звена государственного и партийного аппарата, которым принадлежала ключевая роль в преодолении голодного кризиса. Характер деятельности кадров в условиях кризиса определялся однозначно – *«нужно пользоваться моментом»*. При этом отмечено: *«Для товарищей в регионах эта ситуация означала одновременно удачный шанс и риск. Шанс - потому что они могли утвердить и упрочить свою власть, укрепить собственные сети. Риск – потому что никаких практических указаний по обращению с голодающими не было, и неверные шаги грозили привести к падению»* (с.255). В ходе дальнейших рассуждений на эту тему автор выстраивает конструкцию реализации власти снизу, основными элементами которой являлись сети распределения, насилие и эксцессы. При этом фактический материал служит иллюстрацией для обобщений теоретического характера. Последние строятся на авторитете ряда западноевропейских и американских специалистов, высказывавшихся по поводу *«однозначности и ее отсутствия в теории и практике сталинского планирования»*; *«отсутствия у сталинизма надежных, объективных критериев правильного и неправильного»*; *«стабилизирующего влияния неуверенности на систему»*; невозможности реализации советской власти без личных союзов и сетей»; *«социалистический патернализм»*¹⁰.

Главу завершает раздел *«Пути выхода и новые формы зависимости»*. Предваряя освещение темы посредством оценки ряда постановлений и решений, направленных на выход из кризиса, показа драматизма процесса репатриации беженцев от голода, определения основных параметров тяжелейшего экономического положения репатриантов, автор весьма своеобразно развивает свой тезис о голоде как условии советизации степи: *«Циники в Политбюро видели в трагическом положении известную выгоду: голод предоставлял шанс окончательно подчинить казахское население. Они рассчитывали в обстановке хаоса полностью забрать бразды правления в свои руки. Обнищавшим казахам под страхом гибели ничего не оставалось, как покориться советскому государству, его институтам и прежде всего его представителям в провинции. Путь выхода из кризиса вел к зависимости. Конец голода должен был означать советизацию степи»* (с.269).

Последняя глава книги *«Варианты – кочевой образ жизни по-советски»* посвящена анализу деятельности властных структур по подведению печальных и удручающих итогов и ревизии результатов политики оседания и коллективизации, а также характеру и содержанию продолжавшихся репрессий и мероприятий по ужесточению контроля над местным населением.

Заключительную часть книги автор обозначил коротким словом *«Итоги»*. Хотя по своему содержанию она больше напоминает *«Уроки истории»*. Здесь он сформулировал ряд выводов и обобщений. Один из наиболее значимых из них звучит следующим образом: *«Если суть*

советизации состояла в подчинении целых коллективов воле государства, тогда голодный кризис стал настоящей колыбелью казахской советской нации. Годы голода ознаменовали переход от сегментированного общества, где большевики с трудом добивались послушания, к устройству, при котором их авторитет больше сомнению не подвергался. Клань, до тех пор структурировавшие общество, утратили эту функцию и были во многом отлучены от учреждений и организаций советского государства – в первую очередь колхозов. Сегодняшнее многонациональное население Казахстана – продукт сталинизма, получившийся из остатков уничтоженных кочевников и жертв сталинских массовых депортаций. Коллективизация и голод породили общество зависимых» (с.331.)

Затем автор пускается в пространные рассуждения относительно причин умалчивания в политическом и научно-историческом дискурсе темы голода, опасностей и угроз, которые поджидают межнациональные отношений в республике, в случае если эта тема *«приобретет слишком большой вес в публичных дискуссиях»*. Здесь же озвучена критика в адрес казахстанских исследований по теме голода после 1991 года, в которых *«ответственность за голод была экстернализована и возложена на абстрактные структуры да несколько именитых большевиков»*. При этом, - отмечает Киндлер, - *«обычно упускается из виду, что даже самые гнусные приказы и директивы могут возыметь действие лишь в том случае, если есть люди, которые их исполняют. Иначе пришлось бы говорить о центральной роли казахов в коллективизации и оседании, а с жертв какой спрос? Но тот, кто не хочет взглянуть в лицо своему прошлому, начинает его забывать и превращает собственную версию истории в доминантный нарратив»*. Автор при этом не преминул возможностью указать на то, к чему подобная практика может привести: *«Повествования исключительно о казахских жертвах затрудняют осмысление истории голода во многих отношениях. Они игнорируют замешанность и участие казахов в радикальной политике, которая, по сути, и вызвала голод»*.

Автор, обосновывая свою позицию, обращается за поддержкой к германской исследовательнице А. Ассман, разрабатывавшей проблему забвения «плохого прошлого». Он приводит следующее ее высказывание: *«Действительные или чувствующие себя таковыми жертвы способны выйти из своей изоляции только тогда, когда будут признаны и – хотя бы символически – возмещены их страдания. Но для этого необходимо признание вины и ответственности» (с.338).*

Развивая этот аспект, Киндлер напоминает подходы К. Майера к проблеме исторической ответственности немцев за Холокост. *«Беспрецедентность этого преступления против человечества потребовала, пишет Майер, особой формы памяти, чтобы постоянно указывать на вину и ответственность преступников и их потомков»*. (с.338). Судя по контексту, дальше идет собственно авторское суждение: *«Но*

это отнюдь не значит, что отношение к столь крайнему случаю должно стать обязательным образцом для подражания во всех прочих случаях «плохого прошлого». Если в других общественных контекстах существует консенсус по поводу того, чтобы оставить прошлое «в покое», нет веских причин возражать против него, как нет и необходимости в исторической проработке». И здесь же Киндлер добавляет, что историческая ««проработка» голода в Казахстане заставила бы обсуждать трудности солидарного поведения перед лицом угрозы голодной смерти».

В конечном итоге германский исследователь занимает предельно взвешенную позицию не только в отношении необходимости покаяния за прошлые «грехи», но и в отношении необходимости исторической проработки голода в Казахстане: *«Учитывая хрупкую стабильность казахского общества, велит ли ему рациональная стратегия «преодоления прошлого» отодвинуть «проблемные» страницы своей истории на задний план? Достаточно ли трактовать голод как «национальную трагедию», обрушившуюся на людей подобно стихийному бедствию? Или Казахстану пора интенсивно заняться выяснением вопроса о собственной ответственности за голод? Давать тут советы со стороны нельзя».*

Киндлер лишь предлагает применить к Казахстану вывод, который сформулировали Е.А. Добренко и А.В. Щербенок, анализируя взаимоотношения государственной власти и прошлого в России: *«Прошлое есть опыт боли, травма опыта; история есть анестезия, нарратив, который производится властью».* Но при этом он добавляет: *«Долго ли будет действовать такой наркоз, покажет время» (с.340).*

В отношении суждений относительно покаяния за «грехи отцов» нам представляется, что казахстанское общество, прежде чем решиться за основательную «историческую проработку» проблемы голода, должно ответить себе на вопросы – готово ли оно во всех отношениях к тому, чтобы бесстрашно взглянуть на себя в зеркало Истории, чтобы потом не каяться; готово ли оно осознать «тривиальность зла», которое в прошлом творилось в массовом порядке. И вместе с тем отметим, что «историческая проработка» прошлого и не только голода нужна. Это даст возможность создать и укрепить духовный, культурный и общественный климат, способный не допустить впредь рецидивы тоталитаризма.

Разумеется, не все в содержательной книге Киндлера бесспорно, а ряд мест вызывает недоумения и возражения. Рассмотрим эти места.

Так, например, указывая на то, что для диктатуры пролетариата *«возможность проникновения в общество заключалась в «создании» рабочих»*, автор пишет: *«Там, где рабочий класс отсутствовал, следовало сотворить его из ничего. В казахской степи это выглядело еще более бесперспективным делом, чем в среднеазиатских оазисах» (с.62).* То есть, как мы полагаем, речь идет о создании рабочего класса на местной основе. Данное утверждение представляется спорным, так как во многих странах в

определенный исторический период происходил переход части сельского населения к индустриальному труду. Если этот процесс не сопровождается маргинализацией, то может быть прогрессивным для части крестьян, означать овладение грамотностью (особенно кочевниками), овладение новыми ремеслами, получение новых профессий и т.д. То есть это - объективный и прогрессивный, в целом процесс.

На с.84 приводится пример того, как у казаков в Жетысу в 1921 году отбиралась часть земли и раздавалась казахам. Судя по контексту, автор несколько удивлен фактом, когда власти в начале 20-х гг. инициировали передачу земли казахскому населению. Однако, не следует забывать, что в XIX-м веке в ходе ряда колониальных реформ, земли казахов были объявлены собственностью России. В ходе земельно-водной (1921-1922 гг.) реформы в Казахстане ряд изъятых ранее земель (для нужд казачьего войска), в частности в Жетысу, был возвращен казахам. Это было вполне логично в свете обещаний Советской власти вернуть землю, т.е. решить «аграрный вопрос», помочь бедным кочевникам, шаруа. Другой вопрос – как именно это проводили власти, с какими ошибками?

Характеризуя причины возникновения группировок, автор пишет «...группировки возникали потому, что их представители и предводители принадлежали к различным казахским кланам, вследствие конфликтов, зародившихся в период недолгого правления «Алаш-Орды», а то и раньше» (с.92). Неопределенность словосочетания «а то и раньше» подталкивает к необходимости напомнить автору, что трения, противоречия между отдельными «кланами» могли иметь более давние корни. Например, межжуровые противоречия, которые ослабляли Казахское ханство, уходят корнями в средневековье, трения между разными казахскими племенами, родами случались ранее из-за пастбищ, например, имел место угон скота – т.н. барымта.

На с. 104-105 автор пишет, что команду Голощекина составлял небольшой кружок коммунистов, ...европейцы + Исаев, Курамысов. Нам, все-таки, представляется, что более значительная часть партийных работников областного масштаба в Казахской АССР, а также в столице (Кзыл-Орда, затем Алма-Ата) поддерживали «линию тов. Голощекина», среди которых были люди разных национальностей.

Недоумение вызывает следующий пассаж автора на с. 203. «*Большевики вообще проявляли маниакальную [выделено нами. – Т.А., А.Д.] озабоченность в отношении своих государственных границ и пограничных районов*». Это выглядит, по меньшей мере, перефразом. Общеизвестно, что государства без границ не бывает. Любое государство стремится к охране своих границ, чтобы охранять свой суверенитет. Для этого создается пограничная служба, пограничные районы, таможенная служба и т.д. Следует учитывать и сложное внешнеполитическое окружение СССР в конце 20-х гг., на что чуть ниже указывает и сам автор «...В начале 1930-х гг.

повышенной бдительности от большевиков потребовала сложная обстановка в Синьцзяне...». Также следует помнить, что в то время (конец 20-х гг.) китайские власти проводили недружественную (мягко говоря) политику (например, конфликт на КВЖД), действия остатков «белых» на приграничных с СССР территориях Китая и т.д.

На страницах 272, 320, 327, 340 и в других местах текста книги мелькают такие словосочетания как «Казахские газеты...», «Казахские газеты и журналы...», «Казахские большевики...», «...казахского общества», которые бросаются в глаза и являются свидетельством того, что автор неоднократно путает в тексте прилагательные «казахские» и «казахстанские». Поскольку Казахская АССР была многонациональным краем, слово «казахский» более правильно употреблять применительно к людям коренной национальности – казахам (там, где в тексте автора это оправдано), слово казахстанский более верно употреблять применительно ко всем гражданам многонационального Казахстана. Отсюда более уместны словосочетания «Казахстанские газеты...», «казахстанские партийные работники...» и т.д.

Представляется предельно неудачным термин, который использован автором на с. 293 при описании составляющих советской демографической политики - *«Канализация миграций...»*. Думается, что при переводе на русский язык можно было подобрать более соответствующий смыслу термин.

На с. 324 мы читаем следующее: *«Центр проявлял известное равнодушие и к вопросу воспитания из степняка «нового человека»...»*. Судя по контексту эти слова автора можно отнести к повышению уровня культуры казахского населения. Если это так, то данное утверждение автора более чем спорно, т.к. имеются цифры о росте грамотности казахского населения в 20-30-е годы. Появляется, например, новая советская казахская интеллигенция, идеологически воспитанная в «советском духе», т.е. идеологически «верная». Это новые произведения казахстанских, в данном случае казахских, поэтов и писателей, строительство школ, интернатов для детей кочевников (о чем пишет ниже и сам автор), строительство в Казахской АССР педагогических и прочих вузов (начиная с 1928 г.) и т.д.

Натяжкой выглядит суждение о том, что *«отношения между депортированными и местными были натянуты...»* (с.326). Думается, это утверждение нуждается в серьезной корректировке, так как в начале местные жители действительно настороженно встречали «чужое население», особенно если прибывших было много. Однако, многочисленные факты свидетельствуют о гостеприимном, в целом, отношении к депортированным, помощи продуктами со стороны казахов, предоставлении крова обездоленным и лишенным всего народам. Надо учитывать и опасность, которой подвергали себя этой помощью «чужакам» казахи, т.к. за помощь «врагам» могли подвергнуться преследованию, арестовать и т.д. Такие

многочисленные случаи помощи местного населения депортированным отмечались органами НКВД в 40-е годы.

Не совсем верным выглядит утверждение в разделе «Итоги»: *«Сегодняшнее многонациональное население Казахстана – продукт сталинизма, получившийся из остатков уничтоженных кочевников и жертв сталинских массовых депортаций»* (с.331). Данный вывод автора представляется несколько сужающим реальность. Ведь в многонациональный край Казахстан начинает превращаться уже в XIX-м веке, когда становится местом ссылки политически ссыльных. Затем переселенцы из России и с территории (современной) Украины. С начала XX-го века по Столыпинской аграрной реформе наблюдается усиление процесса переселения в казахский край. В период СССР на стройки многочисленных объектов промышленности приезжали и вольнонаемные рабочие многих национальностей из республик страны. Свою существенную лепту внесло и освоение целины. Так что современный Казахстан – не только *«продукт сталинизма»*.

Достаточно спорными выглядят суждение, приведенное на с.334: *«...с трудом сохраняемый межнациональный мир в Казахстане»* и словосочетание *«хрупкая стабильность»* на с.340. Общеизвестно, что Казахстан вошел в состав России более 250 лет назад, его многонациональность и многоконфессиональность складывались длительное время, веками. Толерантность фактически воспитывалась в казахстанцах еще в советский период (другой вопрос насколько эффективно) и, особенно успешно в период Независимости. Ныне это и общие праздники, которые отмечаются всеми гражданами без исключения, и языковая политика в РК (развитие трехязычия), внимание и уважение к языкам и культурам всех этносов, проживающих на территории государства (работа национальных школ, выпуск газет на языках народов РК), всенародная поддержка прагматичной деятельности политического руководства страны и многое другое, с чем автору имело бы смысл ознакомиться.

Касаясь утверждения о том, что *«...казахское общество стало тем, чем было и чем является сейчас, потому что его сформировал голод»* (с.340) полагаем, что, характеризуя «казахское общество» как ранее, так и ныне (опять казахское, а не казахстанское) как «продукт голода» (который был без малого **90 лет назад!**), автор ограничивает, суживает, а главное слишком упрощает понимание общественных процессов как в Советском Казахстане, так и в эпоху Независимого Казахстана.

Все эти моменты наталкивают на мысль, что подбор фактического материала изначально определялся конфигурацией «прокрустова ложа», сформированного из лекал с заранее заданными исходными данными, которые в свою очередь формировались под значительным влиянием концептуальных наработок научного руководителя автора исследования известного германского историка Йорга Баберовского.¹¹

Несмотря на отмеченные недостатки, книга Роберта Киндлера заслуживает высокой оценки как обстоятельное исследование важной и вместе с тем сложнейшей темы – власти и голода в Казахстане. Она вносит заметный вклад в современную западноевропейскую историографию проблематики истории советского Казахстана периода 1920-1930-х годов, особенно в тот ее пласт, который в Республике Казахстан все еще остается недостаточно разработанным. Германский ученый своим исследованием не только существенно восполнил освещение важных конкретно-исторических пробелов, но и предложил свой системный и вместе с тем резко контрастирующий с подходами отечественных историков, взгляд на данную проблему. Своим исследованием он помогает выйти на новый уровень осмысления коллективизации и седентаризации, самых трагичных по своим социально-экономическим последствиям явлениям, имевшим место в советский период Отечественной истории, позволяя рассматривать их с позиций организованного и контролируемого кризиса, осуществляемого с целью установления тотального контроля над кочевым обществом в целом и отдельной личностью, в частности.

Завершая критический разбор книги Р. Киндлера отметим важность и необходимость решения вопроса о переводе на русский язык работ французских, итальянских и американских исследователей, посвященных теме насильственной коллективизации в Казахстане. Это даст возможность не только увидеть достижения и просчеты зарубежных коллег, но и в известной мере стимулирует отечественных историков на решение задачи объективной оценки нашего трагического прошлого, которое им, безусловно, вполне под силу.

Т.К. АЛЛАНИЯЗОВ,
профессор кафедры истории Казахстана, экономики и права
Жезказганского университета, кандидат исторических наук.
А.Б. ДОЛГОПолов,
старший преподаватель кафедры истории Казахстана и СПД
Карагандинского государственного медицинского университета,
руководитель исторического кружка кафедры.
Жезказган – Караганда, февраль 2018 г.

---

¹ Грозин А.В. Голод 1932–1933 гг. в Казахстане: феномен мифологизации истории как составная часть глобальной информационной войны // <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=27826> 25.05.2017

² Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. Collectivisation et changement social, 1928–1945. Paris, 2006. Pianciola N. Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905–1936). Roma, 2009. Pianciola N. Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du Monde Russe. 2004. Vol. 45. No. 1–2. P. 137–192. Cameron S. The Hungry Steppe. Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934: Ph. D. diss. Yale University, 2010. Об оценках этих работ, см.: Кэмерон С. Голод в Казахстане в 1930-33-е гг.: современные исследования и новые направления в изучении вопроса // <http://caa-network.org/archives/6126>

---

³ Вероятно, эта позиция и сыграла ключевую роль в решении «РОССПЭН» перевести и издать на русском языке книгу Р.Киндлера.

⁴ Киндлер Р. «Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане. С.б. Здесь автор не оригинален, поскольку таким же приемом пользовалась в свое время И. Огайон. См. Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline. - P.35-39.

⁵ Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford, 1994.

⁶ См., например, «Седентаризация казахов в СССР при Сталине» у И. Огайон, «Пограничный сталинизм» у Н. Пьянчола, «Сталинские крестьяне» у Ш. Фитцпатрик и других.

⁷ Это напоминает, давнюю историю, когда в коммерческих целях советский фильм с блеклым названием «Полосатый рейс» получил в зарубежном прокате яркое и броское название «Тигры в океане».

⁸ Автор специально не оговаривает названия основных структурных элементов

⁹ Данный термин впервые появляется в работе И. Огайон

¹⁰ См. сноски на работы Барона, Мерля, Эстера, Фицпатрик и Сигельбаума на стр.256-267

¹¹ См. книги Й.Баберовского, изданные на русском языке РОССПЭН: «Красный террор. История сталинизма», «Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе», «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения», «Выжженная земля. Сталинское царство насилия».